

логами, начавшееся лет 20 тому назад, блестяще себя оправдало. Сегодня очередь за психологией.

Разумеется, ждать, пока психологическая наука разрешит собственные сложные проблемы, часть из которых перечислил А. А. Леонтьев, вряд ли целесообразно. Социально-политические проблемы, поставленные в статье А. Ф. Дашдамирова, не терпят отлагательства. Кстати, я не стал бы так далеко разводить и даже противопоставлять термины «национальная психология» и «этнопсихология», как это делает А. А. Леонтьев. С предметной точки зрения, речь идет об одном и том же — национальных (этнических) особенностях. Но подходы к этому действительно отличны и «смычка» их возможна только на базе совместного изучения конкретных содержательных проблем, одинаково интересных и значимых для обоих народов.

Г. В. Старовойтова

О ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

А. Ф. Дашдамиров привлек наше внимание к чрезвычайно важной и давно назревшей проблеме развития этнопсихологических исследований. Хотелось бы подчеркнуть, что значение этнопсихологических признаков, в частности этнического самосознания, увеличивается по мере сужения зоны господства этнической традиции в объективированных формах культуры. Следовательно, особенно важным оказывается изучение этнопсихологических явлений у современных урбанизированных народов, для которых соответствующие признаки становятся системообразующими этническими признаками.

Обществоведческая мысль прошлого имеет богатые традиции анализа психологических особенностей народов, однако начало научной этнопсихологии, по-видимому, следует вести от работ В. Вундта* (а в нашей стране от Л. С. Выготского и А. П. Лурия²). Новый этап осмысления этнических компонентов психики нашел отражение в дискуссии о сущности нации конца 60-х годов. Хотелось бы зафиксировать два ее итога: а) признание большинством исследователей онтологической реальности этнопсихологии³; б) выявление различий во взглядах на ее содержание и семантику таких ключевых понятий, как «психический склад нации», «национальный характер», «национальный темперамент» и др.

Эти различия, вероятно, связаны с нечеткостью определения самой предметной области этнопсихологических исследований, а также с разногласиями по вопросу о дисциплинарной принадлежности этнопсихологии как науки.

Большинство известных обществоведов и социальных психологов (И. С. Кон, Б. Д. Парыгин, Б. Ф. Поршнев и др.) считают этнопсихологию одним из разделов социальной психологии, тогда как представители этнографической науки относят ее к «дочерним» этнографическим дисциплинам⁴, что не способствует использованию методического арсенала психологической науки и ее развитого понятийного аппарата.

¹ Wundt W. Völkerpsychologie. В. 1—102. Leipzig, 1900—2G.

² Итоги этнопсихологического исследования узбеков и др., осуществленного в начале 30-х годов этими учеными, изложены в монографии: Лурия А. П. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.

³ Здесь хотелось бы обратить еще раз внимание на досадную омонимию самого термина психология: это понятие употребляется для обозначения научной дисциплины, а также и самого предмета ее изучения (такова же неоднозначность понятия «история»); в данном случае мы имеем в виду второе значение.

⁴ См., например, Королев С. В. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М.: Наука, 1972; Арутюнов С. А., Королев С. В. Этнопсихология как наука. — Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник. М.: Наука, 1979, с. 5—22.

Как нам кажется, предметом этнопсихологических исследований должны служить все особенности психических функций, все комбинации психических свойств, которые обусловлены этнической принадлежностью людей, независимо от того, являются ли эти свойства врожденными (скажем, связанными с типом нервной системы) или приобретенными в ходе социализации (и этнизации) индивидов. Имея в виду значительный размах индивидуально-психологических вариаций, продуктивнее всего был бы статистический («популяционный») подход при исследовании больших человеческих коллективов, объединенных этнической принадлежностью. Такой подход позволил бы изучить распределение многочисленных психологических качеств (или особенностей психических функций), которые (гипотетически) встречаются у разных народов с различной частотой или различаются по интенсивности.

Из предложенной трактовки предмета этнопсихологических исследований (учет врожденных и приобретенных свойств) следует, что этнопсихологические особенности, на наш взгляд, формируются и в онтогенезе и в филогенезе, а значит, имеют самую непосредственную связь с общепсихологической проблемой развития психики (или «генетической психологией»). Это соображение не позволяет нам считать этнопсихологию ни разделом этнографии, ни ограничивать ее дисциплинарными рамками социальной психологии. Нам кажется, что этнопсихологию следует рассматривать в качестве специфического раздела общей психологии, имеющего значительные социально-психологические проекции. Эту мысль я поясню ниже, говоря о биологических основаниях этнопсихологических явлений. Во всяком случае, нельзя не согласиться с И. С. Коном, что для успешного развития эмпирических исследований в этой области необходимо привлечение профессиональных психологов.

На нынешнем этапе становления новой области знания может быть сформулирован лишь предварительный исследовательский подход, а общий перечень возможных направлений этнопсихологических исследований, как нам кажется, должен отражать общепсихологическую рубрику, включая сюда познавательные процессы (особенности восприятия, мышления и др.), эмоционально-волевые явления, сознание и деятельность, групповые формы взаимодействия. Подчеркнем сразу, что, хотя внимание этнопсихологов при анализе этих рубрикаций естественно концентрируется на выявлении возможных этнических особенностей, это не означает, что в психологии народов этноспецифические черты являются преобладающими. Напротив, они базируются на единой общечеловеческой психологической основе.

В свое время уже критиковались расистские этнопсихологические концепции, постулировавшие неравенство наций в сфере интеллекта и способностей без учета социально-экономического развития народов⁵. Однако это не снимает вопроса о возможной этнопсихологической «окрашенности» познавательных процессов, обусловленной особенностями взаимоотношений с природным окружением в процессе хозяйственно-преобразующей деятельности, языковыми структурами, определяющими особенности перцепции и т. д. В частности, как нам кажется, мы еще не имеем достаточных оснований отказаться от поисков адекватной процедуры верификации явлений лингвистической относительности, несмотря на справедливую критику гипотезы Гумбольдта — Сэпира—Уорфа за абсолютизацию определяемых языком различий в познавательных процессах у разных народов⁶.

Явления языковой относительности заслуживают особого внимания этнопсихологов в свете особой орудийной роли языка в познавательной деятельности, а также ввиду его исключительного значения для этнической самоидентификации личности.

В то же время, по-видимому, основное ядро, вокруг которого могут группироваться этноспецифические явления в психике индивида,—это

⁵ *Лурия А. П.* Психология рас и фашистская наука.— В кн.: *Фронт науки и техники*. М., 1930, в. 12, с. 37—53.

⁶ См., например, *Брутян С. Л.* О гипотезе Сэпира-Уорфа. Ереван: Буйс, 1963.

темперамент, эмоционально-волевые процессы, сфера социокультурных потребностей, интересов и мотивов деятельности. При этом нам кажется, что было бы неправомерным игнорировать допущение о различии между этносами по статистической распространенности определенных типов нервной системы, темпераментов и других генетически обусловленных задатков психики⁷. Можно провести аналогию с антропологией, которая обычно констатирует если не совпадение расового типа с этническими границами, то определенную вероятность встречаемости сходных морфологических признаков внутри этноса.

Действительно, этносы, в первую очередь социально-культурные образования, как правило, могут быть соотнесены с сопряженными с ними биологическими популяциями, а «для каждой популяции присуща тенденция к усилению однородности генетического фонда»⁸ -

Общебиологические характеристики этносов могут быть обусловлены рядом причин: общностью происхождения, длительностью адаптации к природным условиям и хозяйственно-культурной деятельности, исторически продолжительной «этнической эндогамией» и др. Эти факторы могут формировать «вторичную» антропологическую однородность этнических общностей. Преувеличенное и одностороннее отражение этих факторов обыденным сознанием проявляется в бытующем представлении об этносах как исключительно внесоциальных, биологических по происхождению образованиях⁹. Между тем сам элемент биологической общности возникает в этносе в силу действия социальных факторов или ограничений.

Тем не менее нам кажется плодотворной гипотеза о том, что ряд психических свойств, генетическая обусловленность которых не вызывает сомнений (общие типы нервной системы, составляющие основу темперамента, парциальные типологические особенности и т. п.), может получать большее или меньшее распространение внутри конкретных этнических границ в силу частичной общности генофонда представителей этноса (при определенных социальных условиях). Такое предположение в особенности можно отнести к небольшим этносам с компактной этнической территорией и высоким индексом этнической эндогамии.

По-видимому, гипотеза о том, что возможность передачи некоторых наследуемых психических особенностей, распространенных среди каких-то этнофоров выше теоретически вероятной частоты, давно уже назрела как очевидное логическое следствие современных представлений о «двойной» природе этносов.

Наш интерес к возможности оценки биологической составляющей этнопсихологических явлений обусловлен, в частности, возможным междисциплинарным характером эмпирических исследований, сочетающих социально-психологические и психофизиологические (в том числе аппаратные) методы исследований.

В то же время, разумеется, более значимые компоненты этнопсихологической специфики обусловлены внебиологическими, социально-культурными, диахронными внутриэтническими связями. Это такие содержательные компоненты психологии (личности или группы), которые, с одной стороны, тесно связаны с типологическими особенностями нервной системы, с другой — принадлежат эмоционально-волевой сфере, которая «задана» культурной этносоциальной матрицей: система потребностей, интересы, ценностные ориентации, нормы, интериоризованные

⁷ Мнение о врожденном характере этих психических структур разделялось И. П. Павловым, Б. М. Тепловым, В. Д. Небылицыным и другими крупными психологами. Эта точка зрения нашла отражение и в последних учебных пособиях. См., например, учебник: *Общая психология*/Под ред. Петровского А. В. М.: Просвещение, 1977, с. 408—412, 456—462.

⁸ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 121.

⁹ *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— Сов. этнография, 1972, № 3, с. 74. Впрочем, преувеличение роли биологических факторов в этногенезе присуще не только обыденному сознанию; «биологической» или «физической реальностью» считает этнос известный историк Л. Н. Гумилев. См. его работу «О термине этнос» — Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Д.: Геогр. о-во СССР, 1967, в. 3, с. 5 и др.

роли, направленность личности или группы (их «коды поведения»). Эмоционально-волевая сфера теснее всего связана с интимным ядром этнической культуры, ее традициями. В известном смысле обыденное сознание, регулирующее повседневный образ жизни, совпадает или по крайней мере тесно переплетается с некоторыми формами духовной культуры, обрядовой жизни, что дает основание для исследования этнической психологии по соответствующим косвенным эмпирическим индикаторам — явлениям «опредмеченной психологии», продуктам и способам деятельности, этническим особенностям поведения.

В круг возможных направлений этнопсихологических исследований, естественно, входят этнические особенности групповых взаимодействий в этнической среде общения, в малых контактных группах, а также массовые формы стихийного или сознательного поведения больших групп под влиянием этнополитических или этноконфессиональных интересов, всплеска национально-патриотических чувств и т. п. В последние годы некоторые из подобных социально-психологических явлений (межэтнические контакты, связанные с ними установки и др.) активно изучались этносоциологами (Ю. В. Арутюняном, Л. М. Дробижевой, В. В. Пименовым и др.), хотя, на наш взгляд, и в этой проблематике еще не исчерпаны возможности и для психологических исследований.

В некоторых откликах на статью А. Ф. Дашдамирова говорилось, что в нашей науке непропорционально большое внимание уделяется определению понятий при бедности конкретных этнопсихологических исследований. С этим трудно не согласиться. С другой стороны, часто оказывается важным с самого начала «договориться о терминах», чтобы употребляя их в одном значении.

К сожалению, этнопсихологические работы этнографов нередко страдают нечеткостью понятийного аппарата. Так, например, «национальный характер» иногда отождествляется с темпераментом, а последний трактуется в русле традиционной четырехкомпонентной схемы И. П. Павлова, которая давно развита и трансформирована в трудах школы Б. М. Теплова — В. Д. Небылицына. Редко можно встретить попытки таксономического сопоставления понятий «психический склад», «национальный характер» и др.

Хотелось бы сказать несколько слов о таком важнейшем этнопсихологическом понятии, как этническое самосознание. При относительности остальных этноопределителей этническое самосознание оказывается главным фактором этнической идентификации индивидов, что находит отражение в практике переписей населения и соответствует тому значению, которое придается этому признаку в иерархии этноопределителей большинством этнографов¹⁰.

Понятие «национального самосознания», близкое к современной его трактовке, выдвинул в 1947 г. В. В. Мавродин — «в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данной периоду, к данной народности или нации, единства их интересов, психического склада и т. п.»¹¹. Вскоре в научный оборот был введен более общий термин — «этническое самосознание», ставший одним из важнейших этнических определителей¹². Нередко наряду с ним синонимически употребляется понятие «этническое сознание», но нам кажется целесообразным их смысловое разграничение — по степени «рефлексивности» и таксономическому уровню.

Если сохранить в научной лексике термин этническое сознание (наряду с *самосознанием*), то, вероятно, употребляя его, следует иметь в виду тот слой общественного сознания, который ограничен рамками

¹⁰ См., например, Козлов В. Н. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 56; *его же*. Проблема этнического самосознания в теории этноса. — Сов. этнография, 1974, № 2, с. 79—92.

¹¹ Мавродин В. В. Формирование русской нации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947, с. 25.

¹² Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. — Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1949, VIII, с. 3—35; *его же*. Этнические территории и этнические границы. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1951, т. XV, с. 3—10.

обыденного опыта (закрепленного в традициях и обычаях) и включает в* себя непосредственное отражение практической деятельности, мораль и нормы обычного права, эстетические нормы и нравы, представление о своей этнической принадлежности в некоторой шкале, соотносящей данный этнос с другими. Этническое сознание, регулирующее традицион-но-бытовые стереотипы поведения, включает в себя непосредственное отражение большинством членов этноса обыденной жизнедеятельности, бессознательное использование национального языка и т. п. Оно при-надлежит к тому слою отражения действительности, которое «первоначаль-но непосредственно вплетено в материальную деятельность и матери-альное общение людей»¹³. Будучи эмоционально окрашенным, подвер-женным влиянию общественных настроений, этническое сознание отно-сится к сфере социальной психологии; в таком понимании оно является лишь предпосылкой теоретически систематизированных идеологических форм, которые связаны с *самосознанием*, т. е. осознанием этносом своих интересов. Процесс построения иерархии этнического самосознания, та-ким образом, оказывается подобным процессу превращения «класса в себе» в «класс для себя» (применительно к этнической общности). Эта-пы этих превращений в исторической ретроспективе, а также факторы становления и смены индивидуального самосознания в онтогенезе есте-ственно входят в проблематику этнопсихологии.

Строго говоря, при нынешнем словоупотреблении под этническим сознанием понимаются неосознаваемые явления этнической жизни, и точнее было бы обозначить соответствующий круг явлений посредством термина «психический склад». Самосознание (групповое или индивиду-альное) — стадияльно более позднее явление. Тут представляется умест-ной аналогия с индивидуальным онтогенезом сознания, о чем говорил выдающийся советский психолог С. Л. Рубинштейн: «Не сознание рож-дается из самосознания, из Я, а самосознание возникает в ходе развития личности, по мере того как она реально становится самостоятельным субъектом»¹⁴.

Терминологические дискуссии, как уже говорилось, не могут подме-нять эмпирических этнопсихологических исследований. Такие исследо-вания мы начали проводить в рамках советско-американского исследо-вательского проекта, посвященного изучению факторов долгожительства на Кавказе¹⁵ (на первом этапе — в Абхазии).

Среди предполагаемых причин долгожительства немаловажное ме-сто занимают психологические факторы. Соответствующие им гипотезы основаны на допущении, что специфические свойства психики абхазских долгожителей или особенности социально-психологических структур в общностях людей с повышенной долей долгожителей могут способство-вать формированию феномена долгожительства. Влияние подобных факторов было обнаружено уже на рекогносцировочной стадии иссле-дования в Абхазии, когда решалась задача верификации истинного воз-раста «номинальных» долгожителей. Довольно частые случаи завыше-ния истинного возраста требуют этнопсихологического комментария; ближайшим образом они могут быть объяснены «престижностью старо-сти» у абхазов. Однако наряду с этим следует допустить, что бессозна-тельные ошибки в определении возраста могут быть связаны у младо-письменного народа с влиянием народной системы счета времени¹⁶ и с традиционной системой счисления¹⁷—двадцатиричной, т. е. с опреде-ленным историческим этапом развития познавательных функций.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., М.: Госполитиздат, 1955, т. 3, с. 24.

¹⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946, с. 677.

¹⁵ Этнографической частью проекта руководит В. И. Козлов. В 1978 и 1981 гг. в рамках экспедиции работали полевые этнопсихологические отряды под руководством автора статьи.

¹⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографический очерк. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 149.

¹⁷ Ладария Н. На заре моей жизни (воспоминания абхазского крестьянина из времен последней русско-турецкой войны).— *Исторический вестник*, окт. 1891 г*, т. XVI, с. 110—111.

По-видимому, существует еще одна причина ошибочных возрастных самооценок абхазских стариков. Исследованием выявлено наличие развитой системы возрастных терминов у абхазов, с большим числом градаций, причем в обыденном этническом сознании принадлежность к определенной социально-возрастной категории (*ахаца, абырг, алыгаж* и др.) значимее, чем абсолютный календарный возраст. Возрастная стратификация опирается на последний лишь отчасти, причем принадлежность к тому или иному «возрастному классу» давала раньше специфические права (на вступление в брак, ношение оружия, участие в совете старейшин и др.) и обязанностями (на участие в отгонном пастушестве, в военных действиях и др.)— Таким образом, следует предположить существование в недавнем прошлом у абхазов специфических "традиционных представлений об этапах жизненного пути, о картине жизненного цикла, которые влияли и на возрастную самооценку. Это предположение было подтверждено нами посредством контент-анализа текстов автобиографий, рассказанных должностными и записанных во время экспедиций.

В то же время очевидно, что традиционные социальные институты этноса являлись геронтократическими, что типично для родовых обществ¹⁸. Пережитки этих институтов выявляются при анализе этнографического и фольклорного материала, а социальные роли старых людей до сих пор значимы, что создает для них условия психологического комфорта, сохраняет часть реальной власти за ними в семейной сфере и в жизни сельской общины, обеспечивает лучшие бытовые условия. Совокупность этих обстоятельств может реально влиять на увеличение продолжительности жизни.

Адекватным средством эмпирической верификации «геронтократической гипотезы» могут служить разновидности социометрической процедуры, предложенной в свое время А. Морено. Она позволяет оценить уровень предпочтений, отдаваемых старым людям односельчанами в различных содержательных сферах коммуникации. Простейшей формой измерения социального статуса является сравнение частот реальных контактов с лицами разного возраста и изучение положения стариков в системе социальных связей (*network*). Исследование выявило высокую интенсивность общения старых людей: с родственниками и ближайшими соседями все опрошенные общаются ежедневно, с знакомыми — не реже одного раза в неделю.

Особенно примечательно большое число случаев (свыше 80% всех контактов по содержанию) обращения молодежи и лиц среднего возраста к старикам за советами в важнейших жизненных ситуациях. Такая картина непосредственной вовлеченности стариков (в частности, долгожителей) в систему неформальной коммуникации села, «густота» их социальных связей, личностный характер последних отличают образ жизни долгожителей от образа жизни пожилых людей в современном городе, для жителей которого более типичны деперсонализованные связи и ролевой тип общения¹⁹.

Нравственные нормы и правила этикета, определяющие традиционный образ жизни, передаются в процессе социализации и этнизации личности, поэтому содержание межпоколенной этнокультурной трансмиссии представляет интерес для нашей темы. Изучение родительских ценностных ориентации и установок в отношении воспитания детей позволяет раскрыть поведенческие этнокультурные нормы в относительно «чистом» виде, независимо, от результатов реального воспитательного воздействия и глубины интериоризации норм личностью. Соответствующая часть этнопсихологического исследования в Абхазии проводилась при помощи известной за рубежом методики В. Ламберта²⁰. Фиксировались и коди-

¹⁸ См., например, *Simmons L. W. Attitude Toward Aging and the Aged, Primitive Societies.—Journal of Gerontology, 1946, v. 1, p. 72—95.*

¹⁹ *Tibbitts C The Older Family Member in American Society.— In: Prepared for Delivery Before Conference on the Older Person in the Family (at Des Moines Iowa, Oct., 7, 1963).*

²⁰ *Lambert W. a. o. The Child Rearing Values. A Cross-National Study. N. Y., 1979.*

ровались реакции родителей на высказывания абхазских детей (в стандартизированных магнитофонных записях, отражающих типичные жизненные ситуации). Обобщенные реакции родителей позволяют судить о степени репрессивности — перmissивности этнокультурных норм, жесткости поло-ролевых стереотипов и др. Использование методики В. Ламберта удобно, поскольку она базируется на сравнительном материале по 10 культурам в разных регионах мира. При помощи этой методики мы обследовали 100 чел., включая группу долгожителей (15 чел.), воспроизводивших ситуацию воспитания своих детей в молодости, т. е. более полувека назад. Завершение исследований по этому разделу темы позволит полнее осветить роль традиционного этикета в регулировании поведения, в частности выявить специфические этнокультурные механизмы, способствующие ослаблению воздействия стрессовых ситуаций в жизни семьи или общины на эмоционально-волевую сферу личности и состояние здоровья.

Наряду со спецификой социально-психологических и этнокультурных черт абхазского этноса на формирование долгожительства может оказывать влияние распространенность особых психологических типов, характерных для долгожителей. Хотя личностные черты тоже в значительной степени детерминированы нормами этнической культуры, однако выше мы предположили, что встречаемость определенных типов высшей нервной деятельности и темперамента в этнической популяции может быть обусловлена генетически.

Соответствующие психологические параметры долгожителей сравнивались с «фоновыми» среднеэтническими нормами по данным использования двух психодиагностических методик: шкалы локуса контроля²¹ и цветового теста Люшера²². Первая из этих методик позволяет оценить, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом своей деятельности, «хозяином своей судьбы», а в какой — пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств. Иначе говоря, методика позволяет различать людей, локализующих контроль над значимыми для них событиями двумя противоположными способами — экстернальным и интернальным; в первом случае человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил, случая и т. п. Во втором — ход событий интерпретируется как результат собственной деятельности. Любому человеку свойственна определенная позиция на континууме, простирающемся от экстернального к интернальному типу («локусу контроля»).

Обследованные жители абхазских сел (80 чел.) обнаружили нормальное (гауссово) распределение по этому показателю, но «долгожительская» часть выборки заметно смещена к полюсу интернальности. В то же время выявилась интересная корреляция типа локуса долгожителя с состоянием его физического и психического здоровья: чем выше активность в общении и труде, тем чаще человек обнаруживает интернальный тип локуса, считает себя «хозяином жизни».

Цветовой тест Люшера направлен на изучение эмоционально-волевой сферы, потребностей и мотивов, выявление этнической специфики цветовых восприятий. Тест привлекает простотой процедуры и высокой валидностью (за счет невербального^{TM} методики); его результаты хорошо коррелируются с данными других методик.

По данным этого испытания (обследовано более 300 человек, в том числе около 50 долгожителей) обнаружили два типа эмоциональных структур у долгожителей: один из них характерен только для части долгожителей и, по всей вероятности, отражает сенильные изменения в эмоциональной сфере, общее снижение эмоциональной активности и угасание социальных и витальных потребностей (основные тона Люшера получают низкую оценку, высокие ранговые места получают черный и

²¹ *Phares I. B.* Locus of Control in Personality. Hillsdale, N. Y.: General Learn. Press, 1976; *Rotter S. B.* Generalised Expectancies for Internal Versus External Control of Reinforcement. — Psychol. **monogr.**, 1966, v. 80.

²² *Lüscher M.* Die Farbwahl als psychosomatischer Test. — Dtsch. Med. J., 1961, 12, 11.

тона правой части спектра). Другая эмоциональная структура характеризуется предпочтением основных тонов, отрицанием ахроматических тонов и, следовательно (по Люшеру), высокой активностью эмоций и потребностей. Этот тип тестовой реакции присущ как молодым испытуемым (20—50 лет), так и значительной части долгожителей (около 40% из них). Таким образом, говорить о едином психическом типе у долгожителей не приходится. Впрочем, это хорошо согласуется с выводами ряда геронтологов и психологов, считающих, что индивидуальные различия могут перекрывать возрастные²³. Исследователи-этнопсихологи тоже нередко получали в результате тестовых испытаний более заметные различия межличностных характеристик по* сравнению с межгрупповыми. Кроме того, можно предположить, что долгожители, дающие реакции, близкие к среднеэтническим нормам («ювенильный тип долгожителя»), имеют впереди больший запас продолжительности жизни, чем представители «сенильного типа». Впрочем, дальнейшая разработка этой линии исследования зависит от определения внутриэтнического размаха наблюдаемых показателей, а следовательно, и необходимого размера репрезентативной для этноса в целом выборки.

Предложенный здесь методологический подход к определению предметной области этнопсихологии, а также приведенные примеры отдельных этнопсихологических «проб»²⁴, имели в виду показать широту диапазона возможных исследований и трудности отбора адекватных методов. Развитие этой новой научной дисциплины представляется необходимым в интересах теории и практики, так как этнопсихологические исследования помогут выявлению новых факторов, влияющих на сознание и поведение представителей разных этносов в социально-историческом контексте.

---

²³ См., например, *Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

²⁴ Другие примеры приведены в нашей работе «К исследованию этнопсихологии городских жителей». — Сов. этнография, 1976, № 3.